

1877-1878

РУССКО – ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

*Война
альтруистов*

ЕВГЕНИЙ НОРИН

Евгений Норин

Война альтруистов

«Издательские решения»

Норин Е.

Война альтруистов / Е. Норин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-0056-9457-7

В 1877—1878 годах Россия на кончиках штыков принесла свободу балканским славянам. Эта война вошла и в нашу историю, и в нашу культуру: Плевна и Шипка, Скобелев и Гурко, «Баязет» и «Турецкий гамбит». Эта война вышла кровопролитной, динамичной и осталась необычайно ярким и драматическим сюжетом нашей истории.

ISBN 978-5-0056-9457-7

© Норин Е.
© Издательские решения

Содержание

Предуведомление автора	6
ГЛАВА 1. ЖАЖДА РЕВАНША	7
ГЛАВА 2. ТЕМНЫЕ ВОДЫ ДУНАЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Война альтруистов

Русско-турецкая война 1877—1878

Евгений Норин

Редактор Станислав Юдин

Дизайнер обложки Андрей Альбрехтов

© Евгений Норин, 2022

© Андрей Альбрехтов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-9457-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Даже в богатой и страшной военной истории Российской Империи конфликт на Балканах 1870-х годов стоит несколько наособицу. Для абсолютной монархии не слишком часты случаи, когда ведущая роль в развязывании войны принадлежит обществу, а не государству, и совсем уж нетипична ситуация, когда империю толкают вперед альтруистические мотивы. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. – это настоящий крестовый поход идеалистов.

Предуведомление автора

Этот текст не содержит ничего радикально нового для людей, хорошо знакомых с темой. Единственная цель автора – внятно рассказать о Русско-Турецкой войне 1877—1878 годов людям, которые не относятся к профессиональным историкам, но читали или смотрели «Турецкий гамбит» и «Баязет», видели картины Верещагина, посвященные войне на Балканах и не прочь узнать чуть подробнее, что происходило под Плевной и на Шипке, чем конкретно прославились Скобелев и Гурко, и как русские дошли до ворот Стамбула. Книга небольшая, читается за вечер – но то будет насыщенный вечер. Это действительно была чертовски интересная кампания, изобиловавшая неожиданными поворотами, проявлениями и отваги, и трусости. А для русского оружия – и для России в целом – победа в этой войне безусловно может служить предметом гордости: наша армия не просто разбила противника, но и принесла свободу сразу нескольким народам.

ГЛАВА 1. ЖАЖДА РЕВАНША

Парижское наследство

К 1870-м годам проигранная Крымская война осталась в прошлом, но о ней по-прежнему помнили. Россия не могла рассчитывать на прежнее положение в «европейском концерте», и русская политическая элита хотела бы подвергнуть ревизии миропорядок, установившийся после нашего поражения в 1850-е. Однако в эпоху Александра II империя целиком погрузилась в решение внутренних проблем. Одного крестьянского вопроса хватало, чтобы заставить какое-то время осторожничать во внешней политике. Тем не менее, Парижский мир, увенчавший Крымскую войну унижительными для России запретами и ограничениями – в первую очередь запрет иметь военный флот на Черном море – воспринимался как вопиющая несправедливость, и русские, безусловно, хотели его при первом удобном случае пересмотреть.

Александр II

Армия тоже не отказалась бы скрестить оружие с серьезным противником. Да, были войны и после Крымской, но победы над Шамилем или средневековыми ханствами Туркестана – это не столкновение с действительно значительным врагом. Тем более в России подрастало новое поколение молодых и злых командиров. Черняев, Скобелев, Столетов – многие из них успели повоевать в Туркестане и на Кавказе, некоторые – и там, и здесь. Однако Шамиль капитулировал, ключевые походы в Среднюю Азию закончились, и деятельные натуры покорителей Ташкента и Гуниба жаждали новых целей.

Тем временем в Европе произошли серьезные изменения. На карте мира появилась новая великая держава – Германия. Для превращения в одну из ведущих европейских сил нем-

цам пришлось последовательно разгромить Австрийскую империю и Францию. Если Австрия в николаевские времена ограничилась недружественным нейтралитетом по отношению к России, то Франция была ключевым участником антирусской коалиции, без ее штыков наше поражение в Крыму было бы невозможным. Таким образом, соперник России на Балканах и ее прежний противник оказались в нокауте, и руки у нас были развязаны на несколько лет вперед. На Балканах Россия имела вполне конкретный зримый интерес – продвинуться как можно ближе к средиземноморским проливам и в идеале получить к ним прямой доступ. В структуре русского экспорта все большее значение приобретал хлеб, и основным маршрутом его вывоза становилось как раз Средиземное море.

А в балканских землях в эту эпоху было неспокойно. В несколько этапов получили де-факто независимость Сербия и Черногория. Они считались вассалами Турции, однако полувековые дипломатические усилия России делали эту зависимость все более фиктивной. Тем не менее, значительные территории, населенные сербами, оставались во власти султана. Болгарии повезло еще меньше, она полностью входила в состав государства Османов. Значительная часть заселенной греками земли тоже оставалась в турецком подданстве. Славяне Османской империи находились в двойственном положении. С одной стороны, уже существовали в качестве самостоятельных субъектов Сербия и Черногория, с другой – многие балканские славяне по-прежнему жили под чужой властью. Сербия и Черногория имели микроскопическую территорию (и население, соответственно, миллион и двести тысяч человек), Болгария с ее пятью миллионами человек как политический субъект вовсе не существовала, и даже само существование болгарского национализма могло казаться странным.

Хотя защита прав балканских христиан считалась общеевропейским делом, Россия сохраняла неформальный статус их главного покровителя. На середину XIX века приходится расцвет идей панславизма, причем в случае с Балканами интересы России и устремления местных радикалов находились в полном единстве.

Сербский журналист Живоин Жуевич писал: *«я не верю в возможность осуществления панславизма в смысле московских славянофилов, но что панславизм в смысле сознательного морального единства и в смысле политического единства под условием предводительства России, в минуту опасности хотя [бы] малейшему славянскому народу – такой панславизм возможен и крайне нужен для всех славян одинаково, и не только славян, но и для человечества вообще».*

Со своей стороны русские рассматривали Сербию как своего агента на Балканах в противовес устремлениям Австрии. Романтические мотивы помощи и покровительства родственному народу сплетались с четкими геополитическими интересами. Османская империя слабела, и раздел ее наследства по-прежнему был неизбежен.

Сила обновления

Для реализации своих амбиций Россия имела действенный инструмент – армию. С 1850-х годов Русская императорская армия проделала огромный путь, адаптируясь к реалиям времени. Дмитрий Милютин, возглавивший военное ведомство в 1861 году, приложил титанические усилия по реформированию всего армейского механизма.

Реформа оказалась в хороших руках. Милютин имел превосходную теоретическую подготовку, он блестяще окончил Императорскую военную академию и подвизался там же

на кафедре военной географии и статистики, писал пользующиеся большим успехом труды по истории и тактике. Его исследование об Итальянской кампании Суворова немедленно стало классическим. Однако до того, как занять министерское кресло, Милютин успел понюхать пороха на Кавказской войне, получить ранение при Ахульго, а потом поучаствовать во взятии Гуниба и пленении Шамиля. Что важно, в последние годы Кавказской войны он возглавлял штаб армии. Так что в министерские коридоры этот человек пришёл из кавказских ущелий, с поля боя. Собственно, на министерскую работу его рекомендовал командир – фельдмаршал Барятинский. Товарищем министра Милютин прослужил чуть более года, по сути – только время, необходимое, чтобы втянуться в административную работу. Затем его предшественник, Николай Сухозанет, отправился в почетную отставку. Сухозанет, заслуженный и опытный военачальник, уже не мог отправлять свои обязанности по состоянию здоровья, и к тому же ему мешала склонность к половинчатым решениям – словом, на роль министра-реформатора, которому требовались ясный взгляд на вещи и море энергии, старый воин не подходил. Перед свежеепеченным министром стояла тяжелейшая задача – превратить русское войско в современную армию промышленной эпохи.

Милютин в первую очередь хотел усовершенствовать слабые стороны николаевской армии – недостаток инициативы офицеров, малые способности к тактической импровизации. В этом смысле Дмитрий Алексеевич был истинный «кавказец»: в горах успех или неудача слишком часто зависели от решительности, быстроты и гибкости ума отдельных поручиков и капитанов. Однако одними тактическими преобразованиями дело не ограничивалось. Архаичная рекрутская система ограничивала возможности армии, и ее тоже предстояло реформировать.

Обширная программа реформ, которую Милютин представил императору в 1862 году, легла в основу нового облика русской армии. Он в общих чертах продержится более полувека, до самого конца Российской Империи. Перед Россией стояли вызовы не менее грозные, чем во времена Николая, и следовало быть к ним готовыми.

Милютин начал с организационных реформ. Появились военные округа, на которые возложили административную работу, логистику мирного времени, координацию работы с военным министерством, мобилизацию и тому подобные вопросы. Многоступенчатую сложную структуру Военного министерства Милютин тоже реорганизовал, урезал многочисленные управления, штабы и департаменты и создал более стройную, единообразную систему руководства вооруженными силами, причем снизилось одновременно и количество военных чиновников, и объем выполняемой ими работы.

Следующим шагом стало изменение принципов комплектования, мобилизации и развертывания. Русские войска в начале царствования Александра II были тяжеловесной силой и разворачивались для войны долго и трудно. Реформы и здесь дали результат, но затем военные уперлись в скудные возможности промышленности: для того, чтобы быстро перебросить нужное количество войск в нужный район, требовалась мощная сеть железных дорог, которой в России пока что не существовало. Зато удалось продавить важное нововведение: всеобщую воинскую повинность. Естественно, что этот пункт реформ вызвал ожесточённые дебаты в прессе и обществе. Император создал совещательные комиссии для наилучшей организации реформы, и в конце концов долгая борьба, работа с общественным мнением, подковерные интриги и споры принесли свои плоды: мужчины старше 21 года, кроме льготников, призывались на действительную службу, по истечении которой отправлялись в запас.

Константин Савицкий, «На войну»

Офицерский корпус тоже ожидали перемены. Военное образование ранее имели лишь немногие командиры, но современные войны требовали специалистов. Для подготовки офицеров создали систему новых военно-учебных заведений: военные гимназии, выпускники которых поступали в военные училища, и юнкерские училища, собиравшие самых разных людей и призванные охватить обучением широкую массу офицерства.

Вопрос о вооружении армии во время Крымской кампании стал настоящей притчей во языцех. Следующая новация Милютина состояла в перевооружении войск более современными образцами. Место гладкоствольных ружей окончательно заняли нарезные, и после нескольких попыток остановиться на других образцах, войска получили «берданки» – винтовки Бердана, производившиеся на собственных заводах. Правда, долгие метания привели к тому, что в большой конфликт русская армия вступила с несколькими видами винтовок. Одновременно в войска поступили револьверы Смит-Вессона. Артиллерия оставалась бронзовой, но приобрела нарезные казнозарядные образцы орудий и более современные боеприпасы – фугасные и шрапнельные снаряды.

Шли учения, и несмотря на некоторые трудности (в частности, нехватку полигонов) войска активно тренировались, причем маневры проходили систематически, к ним привлекались большие массы войск.

Огромный шаг вперед сделала военная медицина. Со времен Крымской войны русским врачам удалось примерно втрое сократить смертность от ранений. Создание дивизионных лазаретов с ротами носильщиков при них, возможность перевозить раненых по железным дорогам, медики в составе воюющих частей – все это заметно облегчило участь раненых.

Армия быстро менялась. Насыщение казнозарядным нарезным оружием, современная организация, тактические нововведения, новые принципы комплектования – все это постепенно делало императорскую армию эффективными вооруженными силами индустриального века. Предстоящая крупная война становилась не просто очередным конфликтом, но экзаменом на соответствие эпохе.

С Черноморским флотом, который мог бы стать серьезным подспорьем в будущей войне, дело обстояло хуже. Россия слишком робко освобождалась от пут Парижского согла-

шения, и на Черном море могла выставить только несколько броненосцев береговой обороны («поповки», названные по имени своего создателя, адмирала Попова). «Поповки» не могли заменить настоящих боевых кораблей и были не более чем плавучими батареями, ограниченно пригодными только для обороны собственного побережья. Примерно такими же возможностями обладали пароходы РОПиТ – Русского общества пароходства и торговли. Общество создали вскоре после Крымской войны, с двойной целью: официально – чтобы развивать судоходство на юге, неофициально – чтобы сохранить базу (в частности, подготовленные экипажи) для будущего восстановления Черноморского флота. Гражданские суда с началом войны вооружили, и они смогли принять некоторое участие в войне. Однако вооруженные «купцы» ни в каком виде не могли быть заменой полноценному военному флоту. В итоге конфликт на Балканах оказался в первую очередь сухопутным, несмотря на то, что все события происходили вокруг Черного моря.

Больной человек Европы отказывается выздоравливать

Победа в Крымской войне не принесла османам счастья. Под давлением великих держав турки начали либерализацию законодательства, которая касалась и экономики, и положения христианских меньшинств. Для России 1860-е это в первую очередь годы реформ Александра II, однако и для Турции это время шло под знаком танзимата – программы модернизации, повышения уровня образования, экономических реформ, смягчения национальной политики. Беда в том, что реформы султана Абдул-Азиза оказались недостаточно решительными, а сам он – недостаточно хитрым и твердым для турецкой политики. Дряхлеющую Османскую империю терзали самые разнообразные проблемы. Финансовые, социальные, национальные, религиозные, политические неурядицы – требовалось величайшее искусство для того, чтобы управиться со всеми вызовами. К тому же не все зависело от самих османов. Европейский финансовый кризис 1870-х обрушил и турецкую экономику. В 1873 году рухнула Венская биржа, потащив за собой Германию, а в 1875 году на волне общего краха свои долги не смогла обслуживать уже Турция.

Недостающие средства пытались достать всеми правдами и неправдами. Однако на Балканах финансовый вопрос наложился на национально-религиозный. Балканские христиане, как и всюду, не избежали новых податей, но в отличие от жителей Анатолии они рассматривали происходящее как очередные притеснения со стороны завоевателей-иноверцев. Вдобавок Османская империя была государством чудовищно коррумпированным, и под прикрытием новых налогов чиновники на местах обдирали обывателей как липки. Отдельная проблема возникла в Болгарии. Именно туда переселяли кавказских горцев, бежавших в Турцию по итогам русской конкисты. Разгром имамата Шамиля и включение всего Кавказа в состав России спровоцировали очередную волну «мухаджирства». К 1864 году речь шла о сотнях тысяч людей. В общей сложности на территории Османской империи оказалось по разным данным от 400 тысяч до более чем миллиона беженцев. Мухаджиры быстро сделали проблему уже для турок. Османы оказались не готовы к наплыву новых подданных, что привело к разочарованию новоприбывших, причем чтобы найти им какую-то работу, турки формировали отряды вспомогательной кавалерии, полиции, жандармов. А ведь речь шла не о мирных земледельцах. Горцы, любители набегов, вовсе не собирались изменять своим привычкам, тем более что теперь многие из них получили еще и какую-никакую, а власть. Мало того, что на болгар и сербов взвалили необходимость за свой счет строить дома для приезжих, мухаджиры начали потихоньку грабить население и захватывать землю.

«Я никогда ранее не имел представления о страданиях христиан под турецким игом, – писал преподаватель протестантского колледжа в Константинополе, – но то, что я увидел там и что наполнило меня ужасом, не было связано напрямую с общим направлением политики правительства – это была тирания вооруженного турецкого меньшинства над безоружным и беспомощным христианским большинством. В городах, где зажиточные болгары подкупали турецких чиновников, было еще неплохо, но крестьяне были фактически бесправными рабами».

Наконец, сербы и черногорцы, оставшиеся в Османской империи, видели рядом пусть маленькие, но свои национальные государства. Это был соблазн. Земли у сербов и черногорцев остро не хватало, и о миграции речи не шло, но болгары могли только завидовать даже таким клочкам. Словом, вопрос был не в том, произойдет ли взрыв, вопрос был в том, когда.

Герцеговинцы в засаде. Иллюстрация из газеты «Српске зоре».

Грянуло в 1875 году. Попытка поднять налоги при и так скудном урожае спровоцировала стихийное, лишенное централизованного руководства восстание в Герцеговине. Многие крестьяне оказались на грани голодной смерти, и терять им было нечего. Мятеж со скоростью лесного пожара перекинулся на Боснию и Болгарию.

В Болгарии местных революционеров активно поддерживали извне. В Румынию, Сербию и Россию ранее бежали сотни тысяч людей, в Румынии у изгнанников имелась своя пресса. Характерно, что все они рассчитывали на решающую поддержку России. Приходится отметить, что иные революционные эмигранты заняли позицию этически, мягко говоря, неоднозначную:

«Необходимо оживить комитеты, но не для того, чтобы освободить народ от тяжкого ярма, но для того, чтобы подготовить его к революции, которая вызовет русское вмешательство. Представляешь, какой огонь разгорится в Европе, которая едва знает имя болгарина, когда она услышит, что в Турецкой империи на Балканском полуострове сожжены столько-то и столько-то сел и городков, убито столько-то тысяч человек. Если мы сможем вызвать с помощью комитетов где-нибудь в отечестве смуты, бунт и как результат – резню-заклание, это, несомненно, вызовет вмешательство России, я скажу: „Комитеты сыграли свою роль!“ и буду очень доволен», – писал один из этих деятелей.

Тут же оказалось, что, несмотря на все движение по пути модернизации, Османская империя остается мрачной деспотией. Очаги восстаний подавляли с предельной жестокостью. Переселенные горцы тут же приняли сторону Стамбула и начали массово резать славян. Еще хуже оказались башибузуки – иррегулярные части султанского войска. Войсковые и полицейские операции переходили в обычные погромы, процветали торговля людьми и просто разнузданный разбой. Ситуация стремительно выходила из-под контроля, кровь лилась как вода.

В Болгарии турецкие войска и вовсе сумели сделать то, что у местных революционеров не получалось. Когда из Румынии явился повстанческий отряд, его не поддержал практически никто, и несостоявшиеся борцы за свободу удалились обратно. Однако массовые аресты и репрессии по этому поводу сделали Болгарию настоящим очагом восстания. Впрочем, организованно выступали и могли внятно выразить свою позицию лишь очень немногие болгары, относящиеся в основном к среднему классу, учащейся молодежи и тому подобным слоям общества. Крестьяне если и поднимались, то не желали покидать родные края. Организованные походы, партизанская война – все это было им чуждо. Народ в Болгарии оказался для этого слишком забитым.

Однако Османская империя отреагировала в своем обычном стиле. Отряды башибузуков прошли по Болгарии огнем и мечом, причем роль города или деревни в восстании и жестокость расправ почти никак не зависели друг от друга. Сидят в окрестных лесах повстанцы или нет, турок не волновало – они убивали и грабили всех подряд. Жертвами таких избиений пали, по разным данным, 15—30 тысяч болгар, и абсолютное большинство убитых не имело отношения ни к каким восстаниям. Погромы христиан происходили даже далеко за пределами охваченных мятежом районов, включая, например, Грецию. Более того, в Салониках толпа линчевала французского и немецкого дипломатов, которые пытались заступиться за христианку.

Константин Маковский, «Болгарские мученицы»

В независимой части Сербии и Черногории гибель соплеменников вызвала вполне понятную реакцию. Толпы беженцев несли с собой рассказы о пережитых ужасах. Власти маленьких балканских государств прекрасно понимали, что в случае войны их просто раздавят, но и спо-

койно смотреть на происходящее тоже не имели права. А потом в дело начали вмешиваться внешние силы.

В Европе на резню смотрели с ужасом, но дальше сбора пожертвований дело не пошло. В России реагировали куда более деятельно. Гекатомба на Балканах по тем или иным причинам взволновала буквально всех, кто вообще следил за новостями.

Панслависты переживали за братьев-славян, убежденных христиан возмущали притеснения православных, либералов и радикалов раздражала османская тирания, государственников привлекала возможность воплотить старые мечты о проливах в Средиземное море, и всех вместе поражала жестокость подавления мятежа. В каком-то смысле султанскому войску удалось сделать невозможное: поставить на одну сторону баррикады потомственных офицеров-дворян вроде Черняева и революционных демократов вроде Желябова.

Благие намерения чуть не обернулись серьезными проблемами. Русские, от добровольцев до дипломатов, то и дело принимались убеждать южных славян в поддержке – даже материальной – со стороны русского государства. Атмосфера накалялась, и быстро произошло то, что должно было произойти. Сербия и Черногория заключили союз и объявили войну Османской империи, исходя из того, что если дела пойдут плохо, Россия в любом случае вмешается. Это случилось в июне 1876 года.

Были ли балканские страны готовы к этой войне? Нет. Сербия и Черногория – страны маленькие, их армии недалеко ушли от обычных ополчений, не доставало кадров, экипировки, оружия, боеприпасов. Впрочем, проблемы с офицерским корпусом отчасти решили. Еще в мае 1876 года в Сербию прибыла группа офицеров русской армии. Возглавлял ее генерал Михаил Черняев.

Михаил Григорьевич Черняев находился в расцвете сил. Ему нет еще пятидесяти, за его спиной Венгерский поход, Малахов курган, Кавказ, взятие Ташкента. Чрезвычайно популярный в войсках, решительный, даже авантюрист, он имел серьезный конфликт с Милютиным из-за собственного своеволия. В 1870-е Черняев находился в отставке, но не желал оставаться в стороне от событий. Из России он выехал через маленькую таможенную станцию, опасаясь получить из Петербурга распоряжение о запрете покидать страну. В Сербии он тут же получил назначение на должность командующего армией.

Благодаря своей личной популярности, Черняев привлек на Балканы массу людей. В сербскую армию отправлялись сотни офицеров. Император позволял им временно выйти в отставку для войны в Сербии. Вскоре поток желающих вырос настолько, что пришлось отправить на Балканы генерала с задачей упорядочить движение добровольцев. В Сербии поток волонтеров распался надвое. Кто-то получал под командование сербские роты или батальоны, кто-то отправлялся на комплектование добровольческих отрядов. Хотя Россия дала пример наиболее мощного добровольческого движения, кроме русских на стороне балканских славян воевали добровольцы со всей Европы. Например, на фронте действовал конный эскадрон, главным образом из австрийских сербов, включавший также русских, поляков, подданных Британской короны, немцев, причем сформировал этот отряд американец. Всего через бои на стороне сербов прошли 4—5 тысяч человек, из которых погибли около тысячи. Отдельную категорию волонтеров составляли медики. Сербь и черногорцы располагали очень слабой медицинской службой, повстанцы не имели её вообще, поэтому врачи оказались как нельзя кстати. Причем ехали не только обычные медики и сестры милосердия: на Балканах работал,

к примеру, Николай Склифосовский, уже известный как исключительно опытный и квалифицированный врач. Наконец, свою лепту внес Тульский оружейный завод – в Сербию отправилась оружейная мастерская со всем оборудованием и персоналом. Русское общество делом подкрепляло призывы ввести войска.

Тем не менее, сербские и черногорские силы даже вместе с повстанческими частями имели слишком мало людей, оружия и боеприпасов, чтобы противостоять врагу. Сербское ополчение насчитывало не более ста тысяч человек при максимальном напряжении сил страны, и такая тотальная мобилизация сильно сказывалась на качестве войска. Черногорцы отчаянным усилием могли поставить под ружье лишь немногим более 25 тысяч бойцов. Против них действовало сорокамиллионное государство, способное при куда меньшем напряжении выставить 400 тысяч солдат. Черногорцы сумели удерживать фронт и даже перешли в контрнаступление, а вот Сербия быстро оказалась в критическом положении. Попытки наступления под командой Черняева ничего не дали. Вскоре османы нанесли контрудар, и сербы оказались в совсем уж отчаянной ситуации. Черняев телеграфировал сербскому князю Милану о невозможности продолжать войну. Войска потерпели поражение, и балканцы могли теперь рассчитывать только на помощь России.

Борьба лебедя, рака и щуки

Пока сербы, черногорцы и добровольцы вели свою войну, дипломаты пытались распутать клубок балканских противоречий мирным путем. Теоретически это было возможно. Однако попытки выработать приемлемое решение натолкнулись на нежелание Турции идти на уступки.

Османская империя переживала очередной период нестабильности. Султан Абдул-Азиз начал ярко, а закончил бесславно: весной 1876 года заговорщики, в частности, деятельный Мидхат-паша, вынудили правителя Турции отречься от престола и заключили его в тюрьму, где злополучный государь почти сразу «покончил с собой».

Преемник, Мурад V, не обладал самостоятельностью и правил всего несколько месяцев. Мидхат объявил его сумасшедшим и тоже сверг. «Трехмесячный» султан и действительно показывал признаки душевного нездоровья, слишком часто прикладывался к бутылке, так что инсинуации в его адрес могли быть и справедливы. Чехарда закончилась только с восшествием на престол нового султана, Абдул-Хамида II, который удержался на вершине и был низложен уже в XX веке. Понятно, что всё это не добавляло Порте договороспособности.

Султан Абдул-Хамид II

Вскоре русский посол в Стамбуле граф Игнатьев передал новому султану ультиматум, требуя заключить перемирие с Сербией под угрозой разрыва дипломатических отношений. Поскольку следующим шагом неизбежно становилась война, османы поддались. На границе с Черногорией продолжались вялые перестрелки, но и только. Александр II чувствовал себя превосходно, полагая, что дело практически сделано. Император вовсе не рвался в бой. Свои мотивы он изложил на встрече с московским дворянством:

«Я знаю, что вся Россия вместе со мною принимает живейшее участие в страданиях наших братий по вере и по происхождению; но для меня истинные интересы России дороже всего, и я желал бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вот почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирным путем действительного улучшения быта христиан, населяющих Балканский полуостров».

Правда, далее Александр заметил, что если «...мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то Я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на Мой призыв, когда я сочту нужным и честь России того потребует».

Побуждения, как видим, вполне естественные, разумные и благородные. Однако от воли одного человека события зависеть не могут, и теперь предстояло преодолеть твердолобость Стамбула.

Весной 1876 года увидел свет совместный меморандум МИД России, Германии и Австро-Венгрии. От Турции требовали прекращения боевых действий, вывода из зоны конфликта основной массы войск, материальной компенсации пострадавшим и сохранения за повстанцами права на владение оружием. Вскоре к меморандуму присоединились Франция и Италия. Эти требования встретили противодействие только со стороны Великобритании, однако и там маневры правительства существенно сдерживались общественным мнением.

В попытках найти приемлемый для всех вариант урегулирования прошло несколько месяцев. В конце 1876 года в Константинополе состоялась конференция с участием великих держав, на которой Турцию поставили перед необходимостью создать автономные христианские районы. Турецкая сторона как могла оттягивала начало переговоров, а затем представители султана объявили, что требования держав посягают на независимость и неприкосновенность государства.

Всего несколько дней спустя Турция объявила об отказе выполнять решения конференции, и 20 января 1877 года встреча завершилась без всякого результата. Более того, турки отказались принять даже существенно более мягкие условия, предложенные Британией. Удивительная неуступчивость, особенно если учесть, что все туркофильские движения на западе оказались полностью дискредитированы. Даже в Британии, последовательно сопротивлявшейся усилению России на Балканах, общественное мнение оказалось слишком сильно шокировано рассказами об османских зверствах, а отказ Порты принять английские условия уничтожал пространство для маневра. Россия договорилась о нейтралитете с Австрией. Османская и Российская империи остались один на один.

Хотя финансовое ведомство не желало этой войны, считая – и справедливо – что она окажется для страны очень дорогим мероприятием, хотя сам Александр не хотел бросаться в омут, обрекая на гибель тысячи людей, царь не мог не прислушиваться к обществу, которое слишком однозначно требовало освобождения балканских славян. Наконец, после всех дипломатических усилий Россия не могла отступить и сохранить при этом лицо. Дело становилось решенным.

Началась мобилизация. Армию, которой предстояло действовать на Балканах, возглавил великий князь Николай Николаевич. Это кадровое решение выглядит не самым удачным. Конечно, нельзя сказать, что великий князь вовсе не имел отношения к военной службе. Напротив, к 1870-м годам он уже приобрел серьезный служебный опыт, и назначением обязан не только родственным связям, но и выдающимся военачальником его тоже не назовёшь.

12 апреля последовало официальное объявление войны. Начался самый, пожалуй, альтруистический вооруженный конфликт русской истории. По выражению историка Керсновского, Александру II предстояло теперь вторично стать Освободителем.

Наследники янычар

Турция встречала новую войну в скверном положении. Политически она оказалась одинока. Против Черногории боевые действия продолжались, против Сербии могли возобновиться, против Румынии – могли начаться. По отдельности эти страны не представляли угрозы, но в совокупности заметно осложняли Порте жизнь. Более того, султан не мог быть спокоен ни за Персию, ни за Австрию, ни за Грецию. Вступление в войну любой из этих сил делало и без того непростое положение османов очень тяжелым. Вдобавок турки должны были опасаться проблем на домашнем фронте: Босния и Болгария далеко не успокоились. Финансы, как

мы видели выше, оказались расстроены еще до войны. Тем не менее, Османская империя не собиралась сдаваться просто так.

Турция располагала многочисленным, но довольно рыхлым войском, состоящим из регулярных и резервных войск, ополчения, вспомогательных подразделений из нацменьшинств. Войска комплектовали по призыву. Христиан, однако, не призывали, что с одной стороны сокращало численность армии, с другой – повышало надежность контингента.

Что выгодно отличало турецкую армию от русской, так это лучшая насыщенность современными винтовками, в данном случае – системы Пибоди-Мартини. Турки успели перевооружить большую часть своей пехоты и создать крупные склады боеприпасов.

С другой стороны, Турция страдала от неоднородного и плохо обученного офицерского корпуса. Отдельные хорошие офицеры и полководцы имелись, но о системной подготовке говорить не приходилось. Медицинская служба была в зачаточном состоянии, логистика оставляла желать лучшего. Крупных учений не проводили.

Нельзя при этом сказать, что войска султана вовсе ничего не умели. Турки эффективно и быстро создавали полевые укрепления, зачастую армия султана показывала и стойкость, и храбрость на поле боя. Войска привыкли переносить лишения и были способны выдержать многое. В отличие от пехоты и конницы, артиллерия имела неплохую матчасть, включая крупнопосевные пушки, и обладала квалифицированными энергичными офицерами.

Турки собирались измотать русских упорной обороной крепостей. В качестве опорной плиты такой защиты выступал «крепостной четырехугольник»: Русчук, Шумла, Варна и Силистрия. Крепости позволяли османам стреножить наше наступление, а затем ударами по флангам уничтожить наступающую армию.

Характерно, что хотя на деле боевые действия разворачивались в основном за пределами этого четырехугольника, сама идея обороны с опорой на крепости оказалась вполне разумной.

Турецкий флот располагал значительными силами, но фактически оказался очень плох, и в боевых действиях участвовал мало.

В целом турецкие вооруженные силы, конечно, не были первоклассной современной армией. Но сама Турция в эту эпоху – полноценная держава второго эшелона, и разгромить её – не самая тривиальная задача.

Общая карта Балкан с территориальными изменениями по итогам войны. *Л.Г.Бескровный, атлас карт и схем по русской военной истории; М., 1946*

ГЛАВА 2. ТЕМНЫЕ ВОДЫ ДУНАЯ

Середины для нас нет: или за Дунаем, или в воды Дуная – Драгомиров

План русского генштаба был решительным и даже дерзким. В каком-то смысле он напоминал позднейший шлиффеновский замысел войны против Франции. Русские не собирались лезть в «четырёхугольник крепостей», теряя время и силы. К тому же подавляющее превосходство (даже монополия) турецкого флота на Черном море превращало любые операции у побережий в рискованную затею. Замысел состоял в том, чтобы обойти турецкие укрепления по дуге с запада, прикрыться от возможных ударов, перехватить балканские перевалы, преодолеть хребет и быстрым движением выйти к Константинополю. В целом план удался – правда, утратил одно из главных своих достоинств: быстроту операции.

Движение русских войск по Румынии до Дуная представлял собой не наступление, а марш с оружием на плече. Четыре корпусных колонны втянулись на чужую территорию. Дунай – весьма серьёзное препятствие. Южный берег высок, крут и господствует над северным. Река шириной в километр – превосходный естественный рубеж, и турки намеревались использовать все преимущества своего положения.

Кроме полевой армии офицеры султана рассчитывали на речную флотилию в два десятка броненосных судов. Однако здесь их ожидало полное фиаско. Русские заранее спланировали и форсирование Дуная, и действия против этой флотилии. Дунай блокировали минными заграждениями, для чего в Браилове устроили склад – оттуда ночами уходили для постановок маленькие пароходы и лодки. Сами мины выглядели довольно просто: герметичный бочонок со взрывчаткой подтапливался с помощью якоря. Фарватер засеивался в несколько рядов. Если турки обнаруживали работы и открывали огонь, по открывшимся батареям или мониторам тут же принимались стрелять русские орудия, установленные вдоль берега. Работы по устройству батарей приходилось вести в основном по ночам: при свете дня движение тут же вызывало стрельбу с другого берега или появление речного монитора. Но ход удался – русские командиры сумели расстановкой орудий по румынскому берегу и минированием почти парализовать движение на реке.

Своеобразный эпизод этой борьбы за воду: пока турки были заняты перестрелкой с батареями, хозяйственные матросы периодически наведывались на турецкий берег на пустых барках – пограбить турецкие склады с углем.

Разумеется, офицеры султана пытались противодействовать усилиям русских. Кроме небольших перестрелок эта борьба вылилась в настоящее сражение у острова Мачин, за которым был скрыт город и речной порт. 29 апреля броненосный паровой корвет «Люфти-Джелиль» попытался прорваться мимо русских позиций. Батарея поручика Самойло, оборудованная прямо на берегу, сначала пристрелялась, а потом выпалила одновременно из пушки и мортиры. Выстрел, несмотря на предельную дистанцию, получился образцовый: «Люфти-Джелиль» получил попадание в кюйт-камеру, взорвался и мгновенно затонул в облаках дыма и пара. Посланные к месту взрыва катера нашли в живых только одного матроса из всех 219 человек команды. Русские эвакуировали выжившего, забрали флаг и удалились. Все это происходило на глазах у румын, собравшихся посмотреть на бой.

Алексей Боголюбов, «Взрыв броненосца Люфти-Джелиль». Отлетающая дымовая труба – реальная деталь. Позднее ее нашли в доброй сотне метров от места гибели корабля

Две недели спустя лейтенанты Дубасов и Шестаков, командиры паровых катеров, окончательно соскучились от саперной работы на реке и задумали нахальную операцию против мониторов. Русские не располагали полноценными боевыми кораблями, но лейтенанты придумали способ управиться с неприятелем. Выбрав туманную и дождливую ночь, русские на четырех катерах вошли в Мачинский рукав, где расположились несколько турецких судов, включая монитор «Сейфи». Катера сумели подойти вплотную и подвести под монитор шестовые мины. Первый взрыв разваливает корму «Сейфи», фонтан воды окатывает Дубасова и его команду с ног до головы. Для верности лейтенант командует Шестакову, чтобы тот тащил свою мину. Турки пытаются стрелять в темноте, но одна пушка все время дает осечки, а другие не могут никуда попасть.

Второй взрыв. Монитор тонет с тяжелыми повреждениями, на катерах нет потерь. Правда, русским пришлось пережить несколько неприятных минут: на катере Шестакова пришлось очищать винты от застрявших между ними обломков турецкого судна, пока сам Шестаков палил по туркам из револьвера. С тонущего монитора катер осыпали ружейным огнем, но, по счастью, дело закончилось благополучно. Один из катеров получил попадание ядром в корму, но никого из моряков не задело.

Это сочетание минной войны с удачными диверсиями привело к практически полному прекращению турецкой активности на реке. Сухопутные войска могли заняться подготовкой к преодолению Дуная. На другом берегу башибузуки и черкесы жгли деревни, и вечерами с русской стороны реки видели зарево.

Турецкая стратегия строилась на реакции на действия русских – переправа наших сил через Дунай рассматривалась как нежелательное, но весьма вероятное зло. Принципиальная слабость такого подхода состоит в том, что дальнейшие шаги противника можно и не угадать.

В результате, имея лишь незначительный перевес в числе (а с учетом турецких резервов даже уступая), русские могли выбирать места атак и заставлять османов принимать бой на своих условиях. Мостов через Дунай на театре боевых действий не существовало, так что в любом случае предстояло форсирование реки. Заранее были приготовлены паровые катера,

частью приобретены у румын переправочные средства, а разведка загодя определила наиболее удачное направление для перехода реки. Командование остановилось на районе Никополя.

Русские не пожалели усилий, чтобы скрыть настоящее место переправы. Перед тем как начать настоящее форсирование, решили провести высадку у Браилова. Реку преодолели практически без сопротивления, и даже соорудили мост – проблема была в том, что он никуда не вел: турецкий берег как раз подтопило разливом Дуная. Вскоре еще один небольшой отряд высадился у Галаца. Попытки турок сбросить его в воду не увенчались успехом. Русские не только удержались на плацдарме, но даже захватили Буджакские высоты напротив.

Итак, одна из наших колонн успешно преодолела реку. Однако основным силам предстояло миновать вражеские укрепления и перейти Дунай значительно западнее, в районе Систово, примерно в 40 верстах от Никополя.

Операция у Галаца совершенно запутала турок. Теперь русские должны были сделать решительный шаг. Авангардом при переправе командовал Михаил Иванович Драгомиров. Много изучавший иностранные армии, поездивший по театрам военных действий Европы в качестве наблюдателя, он не имел пока опыта командования крупными силами в бою, но теперь проявил себя блестяще. После того как турки оказались окончательно дезориентированы, дивизия Драгомирова сорвалась с места и начала переправляться у Систово. Против 16 батальонов и 6 эскадронов Драгомирова оборонялся единственный батальон и один эскадрон турок, но вскоре предстояло ожидать турецкий отряд, дежуривший неподалеку. Драгомиров тщательно провел рекогносцировку перед финальным броском, в десанте каждый знал свой маневр. Солдаты располагались на ночлег без палаток, в садах, причем им велели без нужды не показываться на открытом месте. Детали операции даже императору сообщили всего за 5 часов до ее начала, а за два дня береговые батареи начали обстрелы по всему дунайскому берегу, маскируя реальный район высадки. Понтонеры выдвигались к назначенному месту в величайшей тайне, прикрываясь домами и заборами. В маскировочных мероприятиях участвовал даже император: он выехал к Никополю и гарцевал с эскортом на кургане, пока батареи остервенело били по турецкому берегу.

Драгомиров. Портрет кисти И. Репина

В это время у Систово подходили к концу последние приготовления. Перед наступлением Драгомиров обратился к солдатам с короткой речью: *«Отбоя или отступления не будет. Фронт всегда там, где неприятель»*.

15 июня в час ночи русские начали переходить Дунай. Солдаты грузились на понтоны и катера в черной зимней униформе – чтобы не выделяться в темноте. Единственным человеком в белом был генерал Скобелев, не имевший никакого задания и пошедший с десантниками добровольцем. Несмотря на яркий лунный свет, русские долго оставались невидимы для неприятеля: их скрывала тень от высот на южном берегу. Вскоре Луну закрыли тучи. В крошечной тьме лодки пробирались к берегу. Говорить запрещалось, плыли в молчании. Общим

ориентиром стала лощина, где в Дунай впадает ручей Текир-дере: в этом месте склоны относительно пологие. На середине реки, у острова, три понтона сели на мель, но солдаты сдвинули их руками.

Николай Дмитриев-Оренбургский, «Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 года»

Когда первым лодкам оставалось до берега всего несколько сот шагов, десант заметили. Поднялась пальба, сначала робкая, затем все более активная. Лодки и понтоны уже ударились о берег. Бой шел сначала в виноградниках и на склонах небольшой лощины, затем переместился дальше от берега. Ружейной и пушечной стрельбой турки потопили понтон с парой гаубиц (часть людей, к счастью, вытащили из воды плывшие мимо уральские казаки), но Волынский полк и казачьи части почти сразу захватили плацдарм. По ночному времени централизованное управление высадкой быстро рухнуло, но благодаря тщательной подготовке русские и в ночной темноте атаковали решительно и успешно. Командование взяли на себя поручики и капитаны, подходящие турецкие отряды расстреливали в упор импровизированные тактические группы пехотинцев, казаков и артиллеристов. Даже Скобелев, несмотря на генеральский чин, был в этой команде скорее первым среди равных. Михаил Дмитриевич в принципе не кланялся пулям, и лично водил людей в штыки. Лодки и понтоны приставали в разных местах и в разное время, солдаты и офицеры перемещивались, но тут же присоединялись к первым попавшимся отрядам. Сразу образовались три очага боя: группа штабс-капитана Остапова на полверсты западнее лощины, потом сотня казаков-пластунов, и прямо у Текир-дере – отряд капитана Фока. Еще две роты вышли на берег восточнее. Непрерывно прибывали новые группы. Все эти отряды вели самостоятельные бои, но поскольку офицеры и солдаты знали общий замысел, взаимодействие наладилось на удивление легко, причем наступление не могла замедлить даже гибель офицеров, руководивших тем или иным отрядом.

На берегу повсюду шли рукопашные. Противники выскакивали друг на друга из темноты и тумана, и для многих эта встреча оказывалась последней. Один из солдат потом вспоминал, как уже насаженный на штык турок еще пытался зарезать его ножом. Бойца спас случившийся рядом офицер, который дострелил османа из револьвера. В какой-то момент турки почти провалились к берегу, но в этот момент высадилась сводная рота гвардии. Капитан Фок тут же забрал ее себе и со всеми, кто еще держался на ногах, пошел в рукопашную. Турок отбросили.

С другого берега Дуная навесом была артиллерия, подавляя турецкие батареи. Турецкие отряды, стекавшиеся к плацдарму со всех сторон, начали обстреливать реку, и вторая волна десанта пострадала сильнее, чем первая: в телах некоторых солдат потом найдут по десятку пуль. Вода вокруг понтонов кипела от выстрелов. Некоторые лодки сносило течением: там не осталось живых людей. Но это была уже агония: плацдарм попал в руки победителей, а на южный берег прибывали все новые батальоны. К рассвету в ложине, где высаживались основные силы, не осталось ни одного живого турка. Последние выжившие отстреливались из мельницы и сдались только после того, как здание подожгли. Окончательно надежды турок утопить десантников в Дунае разрушились с рассветом, когда на место прибыл пароход с баржами. Через реку перешла сразу стрелковая бригада. Турецкая артиллерия оказалась почти подавлена. Какая-то пушка принялась стрелять по перевязочному пункту на острове, но ее быстро подбили, уложив рядом расчет. Драгомиров появился на плацдарме под утро, взял короткую паузу для организации атаки, а затем русские рванулись на Систовские высоты, которые очистили в коротком отчаянном бою. После полудня болгары в Систово увидели израненных турецких солдат, беспорядочно бегущих через город, а в два часа дня ликующие толпы уже встречали русских. Минский и Волынский полки в этом сражении заслужили георгиевские трубы, и заслужили сполна: войска действовали без понукания, решительно, инициативно, и за 14 часов обесценили Дунай как оборонительный рубеж. Победители потеряли 324 человека погибшими и 381 ранеными. Турецкие потери неизвестны.

Николай Дмитриев-Оренбургский, «Штыковой бой на Систовских высотах»

Почему русские так эффектно преодолели мощную водную преграду? Систовское сражение подтверждает старую истину: важнейший этап боя – подготовка к нему, причем не только перед самым сражением, но и много заранее – на этапе обучения солдат и офицеров. Нельзя не отметить дерзости, даже гусарства Драгомирова. Командующий дивизией настолько хорошо обучил солдат и офицеров в мирное время и настолько успешно подготовил высадку, что мог себе позволить атаку в кромешной тьме, рассчитывая, что рядовые и младшие офицеры будут действовать успешно даже при фактическом отсутствии управления. Еще за 11 дней до переправы Драгомиров отдал приказ по дивизии, содержавший такой пассаж:

«Никогда не забывать объявлять перед делом, что собираемся делать. Последний солдат должен знать, куда и зачем он идет. Тогда если начальник и будет убит, людям не только не теряться, но еще с большим ожесточением лезть вперед».

И действительно, импровизированные группы, «боевые артели», как называл их сам Драгомиров, полностью оправдали надежды. Инженерное обеспечение операции, предварительная разведка, маскировка, которую организовали с почти маниакальной тщательностью – все, что могло быть сделано заранее, было сделано заранее. В результате сложнейшая операция увенчалась полным успехом.

Пока инженеры наводили мосты к дунайскому плацдарму, пока на южный берег подтягивались основные силы корпуса, а затем и всей армии, отдельную – и как оказалось позднее, важнейшую для хода войны – операцию провел генерал Иосиф Гурко. Его Передовой отряд (16 тысяч солдат, 32 пушки) выделили для захвата важнейшего из перевалов через Балканы – Шипки. Решение, опять-таки, решительное и наглое: Гурко предстояло действовать в отрыве от основных сил армии и перехватить важнейший пункт, за который турки не могли драться иначе как со всей яростью.

Иосиф Гурко

К тому моменту Гурко уже более двадцати лет тщетно бегал за войной. В 1848 году поручиком лейб-гусарского полка он не смог поучаствовать в экспедиции в Венгрию, во время

Крымской кампании попросился в Севастополь, но пока переучивался на пехотного офицера, бои закончились. Однако теперь он догнал главную войну в своей жизни.

22 июня Передовой отряд вышел в путь, а уже 25 числа вступил в Тырнов, старую столицу Болгарии. Турки оказали очень слабое сопротивление.

В Болгарии русских встречали с восторгом. При детальном рассмотрении картина была, конечно, намного сложнее, и счастье нельзя назвать всеобщим. В Болгарии хватало и местных мусульман, и турецких поселенцев, и просто тех, кто вел с турками дела. Для них наступали трудные времена. С другой стороны, для множества болгарских беженцев, искавших за Дунаем спасения от резни, приход русских означал возможность вернуться домой. Впрочем, Болгария радовалась: после зверств башибузуков мудрено было не радоваться приходу избавителей. Александр Верещагин (брат знаменитого художника) писал:

«Казалось, собрался народ со всей Болгарии. Куда ни глянь – всюду болгары, одетые в праздничные наряды... Солнце ярко освещало нескончаемую вереницу наших воинов, покрытых пылью, рядом с которыми шагали болгары – от мала до велика, с сияющими от радости лицами.»

Николай Дмитриев-Оренбургский, «Въезд Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 г.»

Русских, которых забрасывали цветами и наперебой зазывали на постой, эта картина необычайно трогала. Один из участников даже заметил, что «каждый из нас пережил лучшие минуты своей жизни». Что до болгар, то один из очевидцев так описал прибывший в его городок отряд казанских драгун и донцов:

Это были люди не от мира сего. Какие-то неземные существа, посланные нам самим богом, чтобы спасти нас. Все мы плакали от радости, что наконец дождались наших освободителей.

Эмоции комментатора легко объяснить: с другой стороны к городку шли башибузуки. Прибытие регулярной конницы с артиллерией превращало эту атаку на город в безнадежное дело.

Необходимо отдать болгарам должное: они не просто восторгались, но и старались сами поучаствовать в процессе собственного освобождения. Еще до вступления русских в глубину Болгарии началось формирование болгарского ополчения, которое вскоре примет деятельное участие в боях.

Примечательно, что средства на закупку вооружения и экипировки для ополченцев собирались в России частными лицами, а знамя им подарили монахи из Самары. Формирование болгарских отрядов легло на плечи Николая Столетова. Этот командир изначально не собирался связывать жизнь с армией. После гимназии Столетов поступил на физико-математический факультет Московского университета, но окончив его тут же уехал вольноопределяющимся в Крым, где прошел через Инкерманскую битву и 4-й бастион. После Крыма он взял себе привычку никогда не упускать случая попасть в огонь. Столетов сражался с горцами на Кавказе, ездил с дипломатическими поручениями в Персию и Афганистан, руководил географической экспедицией на Амударье, дрался с племенами Туркестана... Физика, которой он обучался в университете, в итоге осталась на долю младшего брата Александра, ставшего знаменитым ученым.

Под руководством Столетова болгарское ополчение формировалось неплохими темпами. Туда стекались вышедшие из лесов повстанцы, добровольцы-болгары, воевавшие в Сербии, местные жители и даже русские. В короткий срок удалось сколотить боеспособное формирование более чем в 7 тысяч штыков. Рассчитывали, правда, на большее, но это уже был неплохой результат.

Между тем Гурко в Тырнове не мог почивать на лаврах. Пока отряд наслаждался короткой передышкой в городе, вперед отправились разведчики – переодетый крестьянином князь Церетелев в сопровождении болгар. Их задачей было добыть сведения о проходимости и охране перевалов через Балканский хребет в южную Болгарию. Чудо – один из перевалов, Хаинбоаз, оказался брошен турками. Правда, спуск на южную сторону представлял собой узенькую, едва проходимую тропу. При неоценимой помощи болгар под началом местного вождя повстанцев Панайота Хитова (его люди кормили армию, чинили и улучшали дороги, поставляли вьючных животных и сами шли проводниками и носильщиками), Хаинбоаз прошли – козьими тропами, всего в три дня. По дороге колонна только разрасталась за счет местных волонтеров. Теперь Передовой отряд находился на южной стороне хребта и мог атаковать главную цель – Шипку. Скатившись с перевала, Гурко начал с разгрома небольшого турецкого отряда и внезапно занял собственно село Шипка. За 6 дней русские сделали 120 верст – невеликое достижение на равнине, но в горах самый предел возможностей.

Атака на сам перевал поначалу не задалась. Однако сам факт появления крупного русского отряда южнее хребта так подействовал на турок, что те сбежали и отошли по горным тропам, оставив 400 пленных, крупновские пушки и сам перевал в качестве приза. Вскоре

подошёл Скобелев, который вел отряд на Шипку с севера. Ценой 400 убитых и раненых Гурко овладел ключевой позицией всего театра боевых действий. Однако даже он еще не подозревал, насколько упорным будет сражение за перевал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.